

Борис Акунин выпустил в свет новую книгу — «Нефритовые четки». Долго ожидавшие события поклонники кинули к прилавкам — приключения Эраста Фандорина раскупаются влет. Воспользовавшись тем, что у писателя появилось немного свободного времени, мы попросили аудиенции. Вообще-то Григорий Шалвович Чхартишвили общается с журналистами в Сети, но с «Совеседником» писатель согласился встретиться «в реале». Просторная квартира в стиле XIX века, низкий диванчик, шкаф с книгами, японский столик на тоненьких ножках.

— Обувь не снимайте, — решил хозяин.

Работаю Акуниным два часа в день

— Вы живете в таком замечательном месте. Специально квартиру рядом с храмом выбирали?

— Да нет, я человек не религиозный. Храм для меня в первую очередь архитектурное сооружение. Просто Хитровка — один из немногих сохранившихся в Москве старых районов. Кроме того, здесь чудной для столицы горбатый рельеф, что мне тоже очень нравится. В этом районе, в окрестных переулках, происходит действие многих моих книжек. В общем, что вижу, то и пою.

— Григорий Шалвович, а кем вы себя больше ощущаете, Григорием или Борисом?

— Шизофрения и раздвоенные личности — это не про меня. В качестве человека пишущего я существую в двух разных вариантах. Григорий Чхартишвили пишет документальную литературу или эссеистику, Борис Акунин — беллетристику, автор массовых. У меня есть книжка «Кладбищенские истории», в которой заявлены оба автора, и там явно видно, где Чхартишвили, а где Акунин.

— А как они вообще сосуществуют, не ссорятся?

— Григорий Чхартишвили работает Борисом Акуниным примерно 2 часа в день. На большее не хватает зарплат.

— Вы производите впечатление доброжелательного человека, а зачем вам такой мрачный псевдоним? «Акунин» ведь в переводе с японского означает «коварный злодей»?

— Во-первых, я не такой уж добродушный, хотя вовсе не считаю себя сторонником зла. Но мы сплошь и рядом сталкиваемся с тем, как зло прикидывается добром. Я подумал: а почему не сыграть наоборот?

— Это — явление, которое требует пристального и квалифицированного исследования. В каждом моем романе главный герой — это какой-нибудь злодей. Я его исследую. Обычно это интеллигент и привлекательный персонаж. Основная опасность зла в том, что оно соблазнительно, красиво. Если бы зло не было привлекательно, оно не завладевало бы душами, причем не всегда только плохих людей.

— Раскройте тайну, каким образом вы — коренной москвич — родились в Грузии?

— Да, я из московской семьи, которая в столице живет уже почти 100 лет. Мой отец был офицером. Так обстоятельство сложилось, что я родился у него на родине в маленьком грузинском городке, где и провел первый месяц своей жизни. К сожалению, я не знаю ни грузинской культуры, ни языка. Кстати, мне тут недавно при не вполне приятных обстоятельствах родное государство напомнило о том, что я являюсь этническим грузином...

Борис Акунин:

Фандорин — интеллигент, самурай и джентльмен

С супругой Эрикой

— Из программы новостей узнали?

— Я не смотрю телевизор и поэтому не сразу понял, почему в ту октябрьскую неделю мне вдруг стали звонить разные средства массовой информации с просьбой прокомментировать отношения России с Грузией. Я крайний индивидуалист и всегда раздражаюсь, когда меня пытаются сделать частью какой-нибудь общности. Включая все-таки телевизор, вижу: у нас в стране происходит что-то странное. В новостях показывают какие-то бандитские рожи и уточняют, что это злодеи-грузины. Мне это сильно не нравится. Начиная высказывать свое отношение к происходящему в разных интервью. Буквально через день проблема из общественной становится уже моей личной. Управление по налоговым преступлениям, весьма серьезная контора, вдруг срочно заинтересовалась, нет ли в моей писательской деятельности каких-нибудь налоговых преступлений. Ну, тут уж я извилься. Проверять мои доходы можно когда угодно,

но с компанией «Амедиа», которая до сих пор занимается производством коммерческих телепередач, однако намерена попробовать себя в более интеллектуальном жанре. Посмотрим, что из этого получится.

С писательской точки зрения эта затея является экспериментом. Я уже выпустил такую уйму книг, что здорово устал от стилистических красотостей. Это будут тексты, написанные очень скупой и возмущающей не столько на слух, сколько на зрительный нерв.

— А можно подробнее?

— Читая повесть, человек должен очень явно видеть происходящее. Вроде как смотреть внутреннее кино. Может быть, я даже выпущу саундтрек к книгам, потому что какое же кино без музыки?

Я совершенно не пугаюсь, в отличие от многих других авторов, натиска мультимедийной культуры на литературу. Все это расширяет возможности, заставляет мозги работать по-другому. Я хотел бы в будущем написать литературное произведение, которое сплетало бы все возможные, предоставляемые творческому человеку новым компьютерным измерением. Мне кажется это интересным. Удивительно, почему никто в мире еще этого не сделал.

— А почему не сделал, кстати?

— Сейчас не существует нормального носителя: дешевого, доступного и удобного в обращении. Большое издательство и раскрученный автор не могут себе позволить тратить средства на экспериментальный продукт, который принесет одни убытки. Ну, а я бы попробовал. Ради интереса. Я, собственно, еще пять лет назад перевел в небумажный вид один из своих рассказов. Включил туда гипертекст, мультимедийность, всякие прочие штуки. Осуществляет этот проект студия Артемия Лебедева, но, к сожалению, никак не доведет дело до конца.

Многому научился у японцев

— Огромную часть своей жизни вы посвящали переводам с японского. Переводили Мисиму. По его произведениям фильм, например, не предлагали поставить?

— Были какие-то предложения. Но я слабо верю, что может быть удачным фильм, снятый по японскому роману за пределами Японии. Это примерно то же самое, если русский роман экранизируют иностранцы. Недавний «Тихий Дон» тому пример. Кроме того, по Мисиме нет ни одной удачной экранизации даже в Японии. Главная прелесть этого автора — его стиль. При переводе романа на язык кино вся магия исчезает. Она ведь не в событиях, а в тумане, который нагоняет ав-

тор, колдуя над словами. У Мисимы есть одно необычное качество — особая фокусировка зрения. Он видит какую-то деталь совсем не так, как видим ее мы. Деталь у него переливается, рассыпается искрами.

— В Стране восходящего солнца часто бываете?

— Я очень люблю Японию и скучаю, если долго там не бываю. Жил там в юности, когда был студентом. В этом возрасте создаются привязанности на всю жизнь. Я очень многому научился у японцев в ранний период, когда формируются взгляды, правила.

Мне кажется, понимаю японцев, они мне симпатичны как национальный тип и характер.

— В одном из переведенных вами с японского произведений герой стирал с лица земли невыносимо прекрасного для него храм. А для вас есть что-то в мире невыносимо прекрасное?

— Сколько угодно. Оно повсюду, можно далеко не уезжать. Просто посмотрите вокруг, хотя бы, прошу прощения за банальность, на русскую природу. Это особая красота, без сильных эффектов, требующая, так сказать, квалифицированного взгляда. Не какой-нибудь Неаполитанский зал, на который посмотрит и ахнешь... Я теперь много времени

Мне никогда не хотелось писать серьезную прозу. Наверное, и не получилось бы. Но я по этому поводу несколько не комплексую.

провожу за городом и, например, обнаружил, что ненавидимый мною ноябрь — очень красивый месяц. В природе остаются три скромных цвета — белый, черный, серый. Пейзаж будто нарисован сухой тушью. Очень изысканный, стильный. Не фотобой.

— Вы ведь и хокку (японские трехстишия) пишете...

— В моем романе «Алмазная колесница» каждая глава заканчивается трехстишием... То есть я, конечно, не вполне всерьез их писал.

— По одной из версий, Юкио Мисима закончил жизнь характерно после того, как ему не дали Нобелевскую премию. А вы как относитесь к наградам?

— Я пишу коммерческую литературу, а она не должна попадать в поле зрения литературных премий. Тебе и так выплачивают деньги за большие тиражи, а литературные премии существуют для того, чтобы поддерживать литературу некоммерческую. Настоящий серьезный писатель пишет совсем иначе, чем беллетрист. Он месяцами или годами не пишет ни строчки — ждет

импульса, сигнала. Жить ему при этом на что-то надо. За границей существуют специальные гранты или стипендии. У нас пока — увы. Было бы замечательно, если бы наши нынешние внезапно разбогатевшие олигархи, чем сотни миллионов вкладывать в иностранный футбол, учреждали стипендии для творческих людей. Пока это попытка сделать только несчастный сиделец Ходорковский — для поэтов.

Не думаю, что понимаю Фандорина на все сто процентов

— Вам не обидно, что вас читают в метро — вы ведь классиком, может быть, могли бы стать?

— Мне никогда не хотелось писать серьезную прозу. Наверное, и не получилось бы. Но я по этому поводу несколько не комплексую. Если вы спросите у Маккартни, почему он оперы не пишет, сэр Пол наверняка очень удивится. Это разные профессии — элитарная культура и массовая. Кстати, массовая литература и культура вовсе не обязательно должны быть пошлой. Что низкого в «Трех мушкетерах» или в «Острове сокровищ»? «Мастер и Маргарита» — это тоже беллетристика.

— А в фильме Михалкова не ухитились...

— Когда Михалков снимал «Статского советника», у нас по этому поводу были жаркие споры. И Никита Сергеевич настоял на отличающейся от книги концовке. Его Фандорин остается на государственной службе, он жертвует собой ради интересов своего государства. Такой же точки зрения придерживался Филипп Янковский, режиссер постановки. Я не могу заставить режиссера снимать то, во что он не верит. В конце концов, кино и роман — это два разных художественных произведения. Я, впрочем, остался при своем убеждении: человек не может жертвовать своей честью ради каких-то интересов. Именно поэтому в России благородный муж никогда или почти никогда не попадает в государственные деятели.

— Тогда Фандорин — русский самурай?

— Для меня он объединяет три самых симпатичных мне исторических типа — русский интеллигент, британский джентльмен и японский самурай. Русский интеллигент — человек мысли и слова, но, увы, не действия. Он не может защитить ни себя, ни свои идеи. Он может о них только разглагольствовать. К джентльмену и самураю, впрочем, тоже есть свои претензии. Поэтому Фандорин взял у этой тройки все лучшее.

— Такие люди, как Фандорин, встречаются в реальности?

— Они встречаются, более того, без них ни одно общество существовать не может. Разве мало мы видим вокруг красивых людей, совершающих красивые поступки? Я помог своему герою только в одном — сделал его нечеловечески везучим. Обычно человек такого, как он, складывало долго не

фото Сергея Иванова

«Когда в новостях показывают бандитские рожи и уточняют, что это злодеи-грузины, мне это сильно не нравится»

перед выбором — поступить по чести или выполнить приказ начальства, — он поступит по чести. Фандорин уходит с государственной службы, когда ему открывается большая карьера. Но ради нее пришлось бы слишком многим в себе пожертвовать.

— А в фильме Михалкова не ухитились...

— Когда Михалков снимал «Статского советника», у нас по этому поводу были жаркие споры. И Никита Сергеевич настоял на отличающейся от книги концовке. Его Фандорин остается на государственной службе, он жертвует собой ради интересов своего государства. Такой же точки зрения придерживался Филипп Янковский, режиссер постановки. Я не могу заставить режиссера снимать то, во что он не верит. В конце концов, кино и роман — это два разных художественных произведения. Я, впрочем, остался при своем убеждении: человек не может жертвовать своей честью ради каких-то интересов. Именно поэтому в России благородный муж никогда или почти никогда не попадает в государственные деятели.

— Тогда Фандорин — русский самурай?

— Для меня он объединяет три самых симпатичных мне исторических типа — русский интеллигент, британский джентльмен и японский самурай. Русский интеллигент — человек мысли и слова, но, увы, не действия. Он не может защитить ни себя, ни свои идеи. Он может о них только разглагольствовать. К джентльмену и самураю, впрочем, тоже есть свои претензии. Поэтому Фандорин взял у этой тройки все лучшее.

— Такие люди, как Фандорин, встречаются в реальности?

— Они встречаются, более того, без них ни одно общество существовать не может. Разве мало мы видим вокруг красивых людей, совершающих красивые поступки? Я помог своему герою только в одном — сделал его нечеловечески везучим. Обычно человек такого, как он, складывало долго не

живет. Набор благородных черт сильно осложняет выживание.

— Есть любимая экранизация приключений Фандорина?

— Каждая по-своему интересна. Но я не смотрю на фильмы, как на свое произведение, смотрю на это со стороны. Мне нравятся все три Фандорина: Носкова, Бероева, Меньшикова. Есть сильные стороны у всех трех режиссеров. Я надеюсь, что будут и еще экранизации. А интереснее всего мне было бы увидеть экранизацию, которая далеко отстоит от литературного произведения и является совершенно самостоятельным произведением.

— Очень хотел сыграть Фандорина Олег Янковский, а вы обещали ему сценарий...

— Был такой разговор с Олегом Ивановичем. По типу он сейчас находится в очень красивом мужском возрасте. Есть такой особый шарм у 60-летних. Мужская золотая осень. Фандорин еще не добрался до этого возраста. Но скоро доберется.

Подозрительно отношусь к людям, которые лишены игрового начала

— Вы постоянно играете с читателем, склонность играть — с детства?

— Я подозрительно отношусь к людям, которые лишены игрового начала. Ну, а поскольку я человек, мягко говоря, взрослый, то, играя, отношусь к этому серьезно и с полной отдачей.

— После выхода вашего романа «ФМ» среди читателей разгорелся перестень, не расстроились, что никто не выиграл?

— Очень расстроился. Я думал, что в нашей стране живут сплошные гении и знатоки из игры «Что? Где? Когда?». И загалка-то в общем была несложная. Не отгадали. В результате перестень был выставлен на благотворительный аукцион, его продали за миллион с чем-то. Деньги пойдут на операции больным детям.

— А что за перстень, действительно с вашей руки?

— Да нет, конечно. Это не мой перстень, он принадлежит издательству.

— Ваша игра порой как-то плавно перетекает в жизнь. Сейчас уже есть разнообразные экскурсии по фандоринским местам, а что дальше? Памятник Фандорину?

— А почему бы и нет? Памятник литературному герою — дело хорошее.

— Слышала о вашем совместном проекте с Татьяной Толстой, что это за идея, очередная игра?

— Это проект с условным названием «Тандем», книжку пишут два автора с отчетливо разными стилями. Правда, разговор был предварительный и я не думал, что об этом немедленно узнают средства массовой информации. Кроме Татьяны, я говорил об этом в свое время еще с несколькими авторами, но мы, русские литераторы, запретаем медленно.

— Чем вы занимаетесь, помимо творчества?

— Люблю поговорить с умными друзьями. Люблю играть в компьютерные игры. Меня очень интересуют Интернет. С каждым днем этот мир становится все интереснее, особенно если ты можешь читать на разных языках. Сидишь дома и подсмотришь в эту «замочную скважину» за всем миром...

■ Марина Суранова.

Важней всего здоровью в доме!
Новое издание «Домашние советы & сканворды» для всех, кому небезразлично свое здоровье и кто хочет иметь здоровый дом. Мы расскажем интересно и доступно о сложном, объясним и поможем.

В НАЙДНОМ НОМЕРЕ:
— честный, откровенный разговор врача с пациентом обо всем, что беспокоит;
— прием ведут кардиологи, гинекологи и сексологи, педиатры, диетологи, спортивные и семейные врачи, офтальмологи и стоматологи, косметологи и многие другие;
— бесплатная юридическая консультация по вопросам прав пациента.

Спрашивайте новое издание «Домашние советы & сканворды»
в киосках печати и в почтовых отделениях и будьте здоровы!

домашние советы
1000 рецептов здоровья
почему нужно ходить в баню?